

Обращение (замечания) по государственной историко-культурной экспертизе выявленного объекта культурного наследия «Комплекс построек фабрики «Красное знамя», расположенного по адресу: Санкт-Петербург, Пионерская ул., 53, в составе: «Главный трикотажный цех», «Красильный цех», «Отбельный цех», «Чулочно-красильный цех», в целях обоснования целесообразности включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

Отрицательное заключение по ВОКН 2-й очереди строительства фабрики (юго-западной части Главного трикотажного цеха и Чулочно-красильному цеху) является необоснованным по следующим причинам:

1. **Низкий научный уровень исторической справки.** Неверная датировка 2-й очереди строительства (1940-1950-е гг.) (л. 15-19) служит основанием для неверного вывода о ее исключительно послевоенном происхождении, что, наряду с другими вызывающими сомнения аргументами автора ГИКЭ, влечет за собой отрицание культурной ценности и, как результат, отрицательное заключение ГИКЭ по включению объектов 2-й очереди строительства в госреестр ОКН. Правильные даты 2 очереди строительства – 1938-1950-е гг. следуют из данных, приведенных в изданной в 1968 г. монографии по истории завода. Автор ГИКЭ их не учитывает, хотя с ними должен быть знаком (книга включена им в список библиографических источников). Не было сделано автором и попыток изучения такого «прямого» источника, как многотиражная заводская газета. Датировка аэрофото (илл. 74, прил. 2) объясняется некими «учениями» 1939-1940 гг. (приведенная ссылка некорректна), тогда как другие источники датируют ее 1930-1935 гг. (<https://pastvu.com/>). В материалах иконографии отсутствует принципиально важный источник – генеральный план 2-й очереди строительства фабрики 1930-х гг., фотография которого хранится в Гос. музее архитектуры им. Щусева (при этом в список изученных автором фондов этот музей включен!).

2. **Наличие необоснованно заниженных оценок объектов 2 очереди строительства,** многократно и навязчиво повторяемых в тексте ГИКЭ, в том числе в разделах, не имеющих к оценочным никакого отношения. Так, они входят в разделы 11.2. «Краткие исторические сведения (время возникновения, даты основных изменений объекта)» (с. 16, 18), 11.3. «Описание объекта культурного наследия, современное состояние» (с. 22-23, 26-27), 11.4. «Сведения об изменениях (перестройках) объекта» (с. 27), 13.2.2. «Обоснование рекомендуемых границ территории ОКН» (с. 40).

Основной критический пафос автора сосредоточен в разделе 13.1. «Анализ историко-культурной ценности объекта и обоснование наличия (отсутствия) историко-культурной ценности объекта, обоснование категории и вида ОКН» (с. 30-40). Пристроенная часть Главного трикотажного корпуса (ее датировка смещена на послевоенные годы) якобы «...Не имеет ничего общего с первоначальным оригинальным авторским проектом 1926-1929 годов», она возведена «без использования оригинальных авторских решений» (с. 30-31). Это совершенно не соответствует истине. Достаточно внимательно и непредвзято взглянуть на здание и эту пристройку, чтобы убедиться, что она сохраняет все главные признаки архитектурного решения главного юго-восточного фасада: вертикальные отметки этажей, ритм членений по горизонтали, размеры и расстекловку оконных проемов, профили карнизов, симметричную угловую раскреповку на 2 оси. Тем не менее, автор тщательно выискивает и многословно перечисляет причины для отрицания архитектурной ценности этой, абсолютно корректно выполненной пристройки (с. 34-36), но его замечания относятся к деталям – как правило, интерьеров и конструкций, лишь в незначительной степени (по сравнению с объемно-пространственной композицией и фасадами), определяющими ценность зданий фабрики для горожан и туристов.

Автор делает акцент на неподтвержденное независимой технической экспертизой плохое состояние элементов 2-й очереди строительства Главного корпуса: «В месте примыкания поздней части к исторической наблюдается значительное проседание и крен здания, отразившееся в перекосе и деформации уровня перекрытий, горизонтального оформления фасадов и оконных проемов» (с. 22). Однако произведенный натурный обзор фасадов и интерьеров здания, в том числе вышеупомянутых

мест примыкания, ничего подобного не выявил. Ущерб опорным столбам был нанесен только сделанными в недавнее время глубокими зондажами.

Автор лишает фабрику «Красное Знамя» ансамблевых качеств и фактически – градостроительной ценности (с. 31-32), хотя для каждого, сколько-нибудь знакомого с основами архитектурного анализа и с самой фабрикой, совершенно очевидно, что это ансамбль, хотя не полностью заверченный и потерпевший ущерб после возведения ЖК по Корпусной ул. Этот ансамбль обладает градостроительной ценностью, поскольку в тех или иных фрагментах воспринимается с прилегающих улиц, особенно с Разночинной и Пионерской, а в пересечении последней с Корпусной даже доминирует – своей ТЭЦ, общепризнанным шедевром Э. Мендельсона.

Автор ГИКЭ решительно отрицает ценность Чулочно-красильного цеха (с. 37-38):

историческую, не принимая во внимание то, что именно в своем нынешнем, «укороченном», виде этот корпус является историческим свидетельством продолжения воплощения в Ленинграде конца 1930 – 1950-х гг. концепции Э. Мендельсона. Автор даже не пытается оценить значение 2-й очереди ансамбля фабрики «Красное Знамя» как объекта совместного наследия, образца драматического противостояния и сотрудничества немецких и советских зодчих, внесших свой вклад в архитектуру ансамбля. Тенденциозно именуя 1-ю очередь строительства 1920-х гг. «исторической» (с. 23-24), он отказывает всей 2-й очереди 1938-1950-х гг. в этом звании.

градостроительную, не обращая внимание на расположение этого корпуса по красной линии Пионерской улицы, при восприятии с этой магистрали, играющей, наряду с Главным трикотажным цехом, знаковую роль в качестве носителя образа фабрики «Красное Знамя». Автор ГИКЭ даже не попытался оценить визуальные особенности такого восприятия.

архитектурную, не принимая во внимание очевидного факта, что этот корпус, хотя и меньший по протяженности, чем два других, и более поздний по времени строительства (1938-1950-е), тем не менее является существенным элементом «триады» красильно-отбельных цехов Э. Мендельсона – композиционного узла ансамбля фабрики, над которым зодчий работал долго и упорно (о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся эскизы). Автор, судя по всему, не пробовал выполнить графические совмещения, чтобы компетентно судить о том, насколько была реализована проектная концепция Э. Мендельсона.

Автор ГИКЭ рассуждает о представляющемся ему кардинальном отличии цеха от двух других корпусов «триады», о якобы совершенно искаженных формах внутренних и наружных конструкций («...Полностью искажена авторская пластика (конфигурация) конструкций...», «...Пластика фасадов не читается...»), об их аварийном состоянии (опасных признаков которого обнаружить не удалось). При этом он умалчивает об очевидных «мендельсоновских» основах композиции фасадов и интерьера, в том числе конструктивных элементов цеха (перечислять их нет смысла – достаточно взглянуть на фотографии). Что же касается нюансных отличий – то это результат изменившихся технологий, в том числе строительных. Главное – сохраненный в своей основе архитектурный образ, отвечающий замыслу Мендельсона. И еще о «низком качестве строительных работ» и включениях в кладку фасадов странных вставок из инородного кирпича. Это – следы исправления повреждений, причиненных постройке тяжелой бомбой, упавшей 3 декабря 1941 г. (о которой автору ничего неизвестно).

При этом автор ГИКЭ даже не пытается задаться вопросом о том, почему ленинградские архитекторы конца 1930-х – 1950-х гг. попытались повторить в композиции, фасадах и интерьерах, в том числе в конфигурации конструкций, приемы Э. Мендельсона? Ведь гораздо проще было бы в пристройке Главного цеха, к примеру, не воспроизводить ризалит его северо-восточной оконечности, а в архитектурном решении Чулочно-красильного цеха пойти по пути возведения простой «коробки» с двускатным или полусциркульным покрытием. Для нас ответ ясен: в этом отчетливо выразилось стремление не просто соблюсти законы архитектуры, но и уважение к изначальной архитектурной концепции, особенно во втором случае – в меру имеющихся возможностей. Примечательно, что один из принципов Венецианской хартии, которая будет принята 10 лет спустя, гласит: «...Любая работа по дополнению, сочтенная необходимой по эстетическим или техническим причинам, должна... нести на себе печать своего времени».

Следует помнить и о том, что известные петербургские историки архитектуры, указывая на наличие в реализованном проекте значительных отклонений от проекта Э. Мендельсона, в тоже самое время признавали ценность дошедшего до нас ансамбля. Приведем несколько цитат.

«Несмотря на досадную фрагментарность и незавершенность воплощения оригинального проекта Мендельсона, его фабрика стала шедевром архитектуры Современного движения в Ленинграде» (М. Макогонова, 1995).

«Тем не менее основное архитектурно-планировочное решение и силовая станция соответствуют его [Э. Мендельсона] замыслу» (Б. Кириков, М. Штиглиц, 2002).

«Несмотря на то что осуществленный комплекс предстал в сильно обедненном виде, он явился значительным образцом промышленной архитектуры периода конструктивизма» (Б. Кириков, М. Штиглиц, 2004).

«Тем не менее, весь комплекс является значительным памятником ленинградского авангарда» (Б. Кириков, М. Штиглиц, 2008).

«Несмотря на искаженную и неполную реализацию идеи знаменитого архитектора, фабрика «Красное знамя» относится к шедеврам современной архитектуры Ленинграда» (М. Штиглиц, 2015).

У автора ГИКЭ М. Филиповича на этот счет своё мнение.

Отрицание ценности и отказ автора ГИКЭ во включении в госреестр ОКН элементов 2-й очереди ансамбля отражены в рекомендациях по предмету охраны, в проекте границ, в сведениях об объекте и, наконец, в выводах ГИКЭ (с. 39-41).

Согласиться с этим категорически нельзя. Нельзя забывать о том, что ансамблю фабрики уже нанесен большой ущерб с возведением ЖК "Мендельсон". Однако его территория ограничена бывшим Угольным двором, за пределами которого сохранилось достаточно обширное пространство Заводского двора с точками и секторами восприятия ансамбля (автор ГИКЭ это во внимание не принимает).

Рассматриваемая ГИКЭ грозит нанести ему урон гораздо больший, чем вышеупомянутый ЖК. Совершенно очевидно, что она выполнена, исходя из интересов заказчика (ООО «Комендантский 9»), стремящегося извлечь из памятника и его территории максимальную выгоду. Имеющиеся чертежи проектируемого здесь «Многokвартирного дома со встроенно-пристроенными помещениями и подземным гаражом» свидетельствуют, что именно в его планы входит коренная реконструкция южного угла ансамбля со сносом сооружений 2-й очереди строительства 1938-1950-х гг. В связи с этим нельзя не вспомнить слова самого Э. Мендельсона, сказанные им в 1927 г.: «...Я обращаюсь с просьбой ко всем ответственным учреждениям принять, в интересах международного духовного общения, самые энергичные меры против этих махинаций».

В настоящее время ИКОМОС Германии и Израиля готовят заявку на включение произведений Э. Мендельсона в Список всемирного наследия. В номинацию должны войти и произведения мастера на территории РФ, главное из которых – фабрика «Красное Знамя». Предложения об участии в обсуждении этого вопроса поданы в НК ИКОМОС (Россия). Нельзя допустить, чтобы ее ансамблю был нанесен непоправимый ущерб – это обернется ударом по репутации нашей страны на мировой арене.

21 апреля 2021 г.

С. Горбатенко

член Совета Санкт-Петербургского регионально отделения НК ИКОМОС

аттестованный эксперт по проведению ГИКЭ